

В. А. Квашнин

«Щит и меч» Италии: были ли Фабий и Марцелл союзниками?

яркой, насыщенной драматическими событиями и неожиданными поворотами истории Ганнибаловой войны отчетливо выделяется несколько фигур, неизменно находившихся в центре ключевых событий того времени. Безусловно, одной из них был Кв. Фабий Максим, один из самых влиятельных политиков Рима. В 218 г. до н. э.¹ Фабий, будучи одним из пяти сенатских легатов, посланных в Африку, обладал правом объявления войны Карфагену (Liv.21.18.3)². В 217 г. он получил диктатуру, а затем трижды (в 215, 214 и 209 гг.) консулат. Влияние Фабия объясняется как его огром-

ным опытом и авторитетом, так и могуществом рода³. Вряд ли будет большим преувеличением сказать, что без участия Фабия не обсуждался ни один серьезный вопрос в курии. По степени значимости и влияния с Кв. Фабием Максимом мог соперничать только М. Клавдий Марцелл, консул 222, 215 (отказался из-за погрешностей при выборах), 214, 210, 208 и претор 216 гг.⁴ Видимо, не случайно традиция объединила их, символично обозначив как «щит и меч» Италии⁵.

Естественно, что характер взаимоотношений двух влиятельнейших политиков Рима второй половины III в. до н. э. не мог не заинтересовать исследователей. Представление о том, что Кв. Фабий Максим и М. Клавдий Марцелл были политическими союзниками, достаточно давно утвердилось в историографии [1, S. 72–73; 2, р. 58; 3, р. 147; 4, р. 70–71; 5, р. 43]. Оно восходит к работам Ф. Мюнцера, который обратил внимание на то,

¹ Далее все даты — до н. э.

² Следует отметить, что Полибий не называет имени легата, объявившего о начале войны, лишь упомянув о том, что это был старейший из римских послов (3.31.1). Флор (1.27.7) и Силий Италик (2.3.369, 382) сообщают только номен Фабия. Дион Кассий (fr. 54.10) и Зонара называют имя Марка Фабия (8.22.2).

³ Кв. Фабий Максим Младший был претором 214 и консулом 213 гг. Представитель другой ветви Фабиев, М. Фабий Бутеон был диктатором в 216 г. Еще один представитель gens Fabii Кв. Фабий Пиктор в 215 г. возглавил римское посольство к оракулу Аполлона в Дельфах. Луц. Фабий (когномен неизвестен) участвовал в посольстве в Карфаген в 203 г.

⁴ Помимо Марцелла на военном и политическом поприще того времени действовали многочисленные представители gens Claudia. Особые отношения связывали Марцелла с его родственником и близким другом Г. Клавдием Нероном, претором 212, консулом 207 и цензором 204 гг. В армии Нерона служили Пуб. Клавдий, префект союзников 207 г. и Тиб. Клавдий Азелл, плебейский эдил 204 гг. Связан с Г. Клавдием Нероном был Кв. Клавдий Фламин, претор 208 г. Другой представитель семейства Неронов, Тиб. Клавдий Нерон — претор 204 г. Известно также о Гае Клавдии Центоне, интеррексе 216 и диктаторе 213 гг. Еще один Гай Клавдий был фламинном Юпитера до 210 г.

⁵ Об этом пишет Плутарх со ссылкой на Посидония (Plut. Marc. 9)

что Фабий и Марцелл были связаны родством через еще одного представителя римской политической элиты, Т. Отацилия Красса. По мнению Ф. Мюнцера, Фабии покровительствовали Отацилиям, способствуя их вхождению в «политический класс» Рима [1, S. 69.]. В пользу своей точки зрения исследователь приводит три аргумента. Во-первых, Фест сообщает о том, что преномен Numerius, необычный для Фабиев, появился в честь одного из Отацилиев, связанного с Фабиями браком¹. Во-вторых, в источниках присутствует упоминание о консулате 246 г., который связывает М. Фабия Лициния и М. Отацилия Красса [6, р. 216]. В-третьих, согласно Ливию Т. Отацилий Красс был женат на дочери сестры Кв. Фабия Максима². Кроме того, Плутарх называет Отацилия братом Марцелла (Plut. Marc. 2)³. В литературе отмечалось, что интересы Марцелла были сосредоточены преимущественно в Сицилии, которую он и его окружение фактически контролировали в 217–212 гг. [8, с. 198]. Среди прочих там находился Т. Отацилий Красс, претор 217 и 214 гг., бессменный адмирал римского флота на острове. Именно там, согласно Плутарху, Марцелл спас от гибели Отацилия, прикрыв его щитом и перебив нападавших врагов, что недвусмысленно говорит об их близких отношениях (Plut. Marc. 2). Похоже, что Отацилий играл роль своеобразного посредника между Фабием и Марцеллом. Наиболее четко сотрудничество Отацилия и Фабия по источникам прослеживается после смерти Гая Фламиния. В обстановке паники после поражения римлян при Тразименском озере, в котором погиб Фламиний, Фабий получает диктаторские полномочия. В поисках объяснения поражений римлян он указывает на пренебрежительное отношение погибшего консула к обрядам и ауспциям, вызвавшим гнев богов. Для искупления вины сенатом было решено заново исполнить обеты, данные Марсу, провести посвященные Юпитеру Великие игры и построить храмы Венере Эрицинской и божеству Ума (Liv. 22.9.7–10)⁴. Обет построить эти храмы дают Фабий и Отацилий. Как сообщает Ливий, храмы были построены на Капитолии, причем разделял их только ров. Фабий и Отацилий были избраны и дуумвирами для их освящения⁵.

При всей соблазнительности идеи о союзе Фабия и Марцелла, скрепленном родственными связями, она неоднократно подвергалась критике. В 60-е гг. XX в. была

¹ Fest 174 L: Numerius praenomen numquam ante fuisse in patricia familia dicitur, quam is Fabius, qui unus post sex et trecentos ab Etruscis interfectos superfuit, inductus magnitudine divitiarum, uxorem duxit Otacili Maleventani, ut tum dicebantur, filiam, ea condicione, ut qui primus natus esset, praenomine avi materni, Numerius appellaretur.

² Liv. 24.8.11: <T.> Otacilius sororis meae filiam uxorem atque ex ea liberos habet.

³ Не совсем понятно, что имеет в виду Плутарх. Возможно, Отацилий был двоюродным братом Марцелла, как полагает М. А. Гаспаров [7, с. 680, прим. 4]. С другой стороны, в случае, если Отацилий был усыновлен семейством Марцелла, специфика агнатского родства стирала различия в их происхождении от разных отцов. Этому предположению, однако, препятствует отсутствие у Отацилия фамильного прозвища, свидетельствующего об усыновлении.

⁴ Точнее Благоразумия (Mens в лат. языке женск. рода). В литературе неоднократно высказывалось предположение, основанное на 6-й книге «Фаст» Овидия, что культ Mens отражал те качества, которых не было у Гая Фламиния [9, с. 456–457, прим. 63]. Любопытно, что богиня Благоразумия почиталась не только в Риме, но и в греческих городах Южной Италии. Как отмечает Плутарх, Фабий, взяв Тарент, не тронул статуи и изображения богов, произнеся ставшие знаменитыми слова: «Этих разгневанных богов оставим тарентинцам» ((Plut. Marc. 2). Марцеллу, напротив, он приписывает любовь к греческой культуре, проявившуюся, в частности, в том, что из Сиракуз была вывезена большая часть статуй и украшений.

⁵ Liv. 23.31.9: Interea duumviri creati sunt Q. Fabius Maximus et T. Otacilius Crassus aedibus dedicandis, Menti Otacilius, Fabius Veneri Erycinae; utraque in Capitolio est, canali uno discretae (Тем временем выбрали двух дуумвиров — Квинта Фабия Максима и Тита Отацилия Красса, которые должны были освятить храмы: Отацилий — Благоразумия, Фабий — Венеры Эрицинской; оба храма были на Капитолии и разделял их только ров).

предпринята попытка с помощью статистического анализа опровергнуть на примере взаимоотношений Фабия и Отацилия идею о том, что римская аристократия создавала политические союзы с представителями «новых фамилий», помогая им достигнуть консулата [10, р. 18–29]. Относительно недавно положение о политическом альянсе двух влиятельных римских политиков вновь было подвергнуто критике в монографии М. МакДонелла и совсем недавно в статье П. Джонсон [11, р. 223–227; 12, р. 1–8]. На последней работе, имеющий характерное название «Фабий, Марцелл и Отаций: союз, который никогда не существовал» хотелось бы остановиться подробнее. П. Джонсон подвергает критике основные положения работы Ф. Мюнцера (и игнорируя при этом исследователей, писавших после него), используя аргументацию своих предшественников, также скептически настроенных к построениям немецкого антиковеда. Статья П. Джонсон производит вполне определенное впечатление, связанное не только с тем, что она доводит до абсурда критику Мюнцера, но и подает труды этого исследователя как явление безусловно устаревшее и вредное для науки. В этой связи хотелось бы отметить, что куда более авторитетные специалисты в области антиковедения дают совершенно иную оценку работ Ф. Мюнцера. К примеру, Э. Бэдиан одной из своих работ предпослал характерное посвящение «Dis Manibus Fr. Münzer», отметив следующее: «В научных статьях не принято делать посвящения, однако все, чем мы (и особенно автор этих строк) обязаны автору «Römische Adelpartei», помимо того написавшему бесчисленное множество ценнейших статей в «Реальной энциклопедии» Паули, убеждает нас в том, что любая другая форма выражения признательности была бы здесь явно недостаточной. С тех пор исследовательский метод Ф. Мюнцера очень тонко и плодотворно применяется для изучения самых разных периодов в истории Рима. Хотя некоторые из недавно опубликованных работ ясно продемонстрировали недостатки и даже опасности этого метода (разумеется, в тех случаях, когда к нему относились с чрезмерным доверием и без должной осторожности), он оказался вполне применим к историческому периоду, подобному веку Мария, когда других сведений хватает, чтобы осуществить его постоянную проверку, но, напротив, явно не хватает, чтобы без дополнительных усилий представить связную и осмысленную реконструкцию исторических событий» [13, с. 163].

Разумеется, любая оценка деятельности того или иного ученого неизбежно носит субъективный характер. Какие же доводы приводятся противниками идеи Ф. Мюнцера о союзе Марцелла, Фабия и Отацилия? П. Джонсон предпринимает попытку опровергнуть аргументацию Мюнцера, выдвигая следующие соображения. Она признает возможность того, что сведения Феста о брачных связях Фабиев и Отацилиев достоверны, хотя и оговаривается, что, с ее точки зрения, этого недостаточно для того, чтобы утверждать, что различные ветви двух этих родов всегда сохраняли дружеские и союзнические отношения [12, р. 1]. Не совсем ясно, задумывался ли автор, делая такие замечания, о том, как вообще можно доказать что-то подобное и возможно ли это в принципе. Впрочем, в литературе высказывалось предположение о том, что история о брачных связях между Отацилиями и Фабиями была просто придумана Луц. Цинцием Алиментом, которому было необходимо подчеркнуть неблагодарность Т. Отацилия, проявленную к его покровителю Кв. Фабию во время выборов 215 г. [10, р. 19–20]. В данном случае стоит отметить, что в отличие от Ф. Мюнцера, опирающегося в своих построениях на конкретный источник, его критики выдвигают положения, являющиеся ничем иным как их домыслами. Безусловно, Луц. Цинций Алимент мог придумать историю о брачных связях Фабиев и Отацилиев, но с куда большей степенью вероятности мы можем предположить обратное: ведь пустившись по предложенному пути, следует доказать не только факт фальсификации со стороны Цинция, но и то, что именно через его сочинение эти сведения попадают к Ливию. Кроме того, совершенно необъясненным остается содержание сообщения Феста, в котором фигурируют вовсе не участники событий 215 г.

Сообщение Ливия о том, что Т. Отацилий был женат на дочери сестры Фабия отбрасывается по той причине, что жена Отацилия в системе агнатского родства не принадлежала ни к фамилии Кв. Фабия Максима, ни к Фабиям вообще. До брака она находилась под властью своего *pater familias* и неизвестно, состоялся ли ее переход под власть мужа после брака. Таким образом, полагает П. Джонсон, только в том случае, если бы жена Отацилия была дочерью самого Фабия, а не его сестры, это имело бы значение для формирования связи между этими людьми [12, р. 2]. Однако, вновь следует отметить, что по источникам эта связь как раз прослеживается, поскольку Ливий пишет о ней. Юридические конструкты, создаваемые логикой агнатского родства, вовсе не отрицают сохранения личных связей, порожденных отношениями родства кровного. Не случайно римские юристы считали когнатское родство естественным, имеющим натуральную (природную) основу¹. И вновь следовало бы задуматься над тем, что если бы связь между Отацилием и Фабием через сестру последнего не имела никакого значения, непонятно, зачем древним авторам нужно было упоминать о ней (а в том случае, если она не существовала — выдумывать ее) и почему для них это обстоятельство представлялось важным, или, по крайней мере, достойным упоминания. С такой же легкостью опровергается аргумент Ф. Мюнцера о совместном консульстве Фабиев и Отацилиев. Куда большее значение, полагает П. Джонсон, имеет то, что М. Отацилий Красс только второй консулат исполнял с М. Фабием Лицинием, ведь первый он получил вместе с М. Валерием Максимом (*sic!*) [12, р. 2]. Если уж следовать подобной логике, то стоит согласиться с высказывавшемся в литературе мнением о том, что вообще не имеет значения, когда и с кем Отацилии исполняли высшие магистратуры [10, р. 20]. Еще одним аргументом против существования союза двух политиков, по мнению П. Джонсон, является то, что Марцелл в 217 г. критиковал стратегию войны с Ганнибалом Фабия (*Magis. 24. 1–3*). Как представляется, подобные соображения основываются на современных представлениях о структуре политической партии, партийной дисциплине и этике внутривнутрипартийной борьбы. Нет необходимости доказывать, что ничего подобного в Риме не было. Как любые отношения, основанные на личных связях, политические альянсы в Риме были зависимы от различных субъективных моментов². В том же духе истолковываются события 215 г., когда Фабий, будучи консулом, будто бы не дал Марцеллу проявить свои военные таланты после сражения у Нолы, обязав его армию находиться в гарнизоне³.

В основе рассуждений П. Джонсон лежит мысль о том, что господствующее в современной историографии представление об утрате демократическими лидерами в Риме влияния в связи с поражениями начального периода войны, глубоко ошибочно [см., напр.: 2, р. 49 ff.]. В качестве одного из лидеров «популяр» (корректность терминологии оставим на совести П. Джонсон) предстает М. Клавдий Марцелл, которого плебс стремится избрать консулом, даже пойдя на нарушение существующих традиций [12, р. 5, п. 23]. То, что Фабий, являющийся соответственно представителем сенатской олигархии, не смог предотвратить избрания Марцелла в 215 г. консулом, должно служить доказательством сохранившегося влияния «партии плебса». Обратим внимание на шаткость подобной конструкции, которая неизбежно разваливается в том случае, если

¹ См.: [14, с. 101].

² Ср.: «Было бы ошибкой считать эти фамильные объединения жесткими, крепко спаянными политическими образованиями. Представители различных семейств в такой группе часто имели различные связи с другими фамилиями за пределами их основной группировки» [15, р. 251].

³ Рискнув быть обвиненными в надуманных аналогиях, все же отметим, что если бы подобным образом истолковывались перемещения Г. К. Жукова по театру военных действий во время Великой Отечественной войны, то его политическим союзником, применяя терминологию разбираемого эпизода римской истории, скорее должен был быть генерал Власов, а не Главнокомандующий РККА.

бы Марцелл все же не был выразителем политических устремлений плебса. Не вдаваясь подробно в вопрос, отметим лишь, что понятие плебса в Риме эпохи средней Республики весьма условно, поскольку он в свою очередь делится исследователями на сельский и городской плебс, интересы которых далеко не всегда и не во всем совпадали. Тем не менее П. Джонсон с уверенностью рассуждает о способах, с помощью которых Фабий оттесняет Марцелла от консульской власти. При этом австралийская исследовательница прибегает к гипотезам, которые не могут быть охарактеризованы иначе как смехотворные: при инаугурации был симулирован звук грома, истолкованный благосклонно настроенными к Фабию авгурами как неблагоприятное знамение, в результате чего консулом вместо Марцелла (который, кстати, также был одним из авгуров) стал Фабий¹. Следует отметить, что Ф. Мюнцер также считал, что Фабий использовал свое влияние на коллегия авгуров, блестяще применяя религиозную мотивацию в сугубо политических целях. Отсутствие негативной реакции со стороны Марцелла (по крайней мере, источники об этом умалчивают) было истолковано исследователем как свидетельство существования некоего плана по передаче консульской власти Фабию, состоявшегося в результате сговора этих политиков [1, S. 72]². Как отмечает Х. Скаллард, Кв. Фабий Максим возглавлял коллегия авгуров, сменив на этом посту своего деда Фабию Гургеса, умершего в 265 г. Другими членами коллегии авгуров в 217 г. были Г. Атилий Серран, Сп. Карвий Максим, М. Эмилий Лешид, Пуб. Фурий Фил, М. Помпоний Магон, М. Клавдий Марцелл и, вероятно, Т. Отацилий Красс и Сп. Корнелий Лентул. Из них к сторонникам Фабию Х. Скаллард относит Г. Атилия Серрана, М. Клавдия Марцелла и Т. Отацилия Красса [2, р. 49–50 + N. 6]. Однако согласно П. Джонсон Марцелл и Отацилий были яркими популярями, так что единственным союзником Фабию среди авгуров остается Атилий (кстати плебей по происхождению), который видимо и построил звук грома во время выборов. Однако в такой ситуации Фабий вряд ли бы решился на какие-то махинации с тем, что Х. Скаллард метко обозначил как «spiritual weapons», поскольку в коллегии авгуров он был окружен лицами, враждебно или, по крайней мере, недоброжелательно к нему настроенными. Безусловно, и такая интерпретация «казуса Марцелла» 215 г. имеет право на существование — как и многие другие, поскольку отказ магистрата от должности в свой первый день из-за неблагоприятного знамения не имеет precedентов³. К тому же в сообщении Ливия при желании

¹ Как простодушно замечает П. Джонсон, существует много способов симулировать звук грома: к примеру, достаточно встряхнуть полусогнутый лист металла, чтобы получить нужный эффект. К сожалению, автор не поделился соображениями о том, кто именно был автором этой необычной акции [12, р. 5. + N. 25]. Между тем, как показывает в своем исследовании А. М. Сморгчов, молния слева при первой ауспикации магистрата, когда он вступал в должность, считалась благоприятным знаменем. Таким же знаком, вполне вероятно, считался и гром при ясном небе, поскольку он вместе с молнией относился к одной категории ауспичий (caelestia auguria). Гром слева при безоблачном небе благоприятным знаменем называют Энний и Вергилий. Однако если гром и молния случались во время комидий, то такое знамение вело к немедленному роспуску народного собрания. Таким образом, гром и молния имели разное значение для электоральных комидий и для магистратской ауспикации [16, с. 41–42]

² Следует отметить, что П. Джонсон просто игнорирует часто весьма серьезные расхождения во взглядах исследователей, позицию которых по разбираемым вопросам она пытается представить как нечто монолитное. Так, практически сразу же после выхода в свет работы Х. Скалларда «Римские политики 220–150 гг. до н. э.» М. Гельцер посвятил ей рецензию, в которой дал развернутую критику многих положений английского исследователя [17, S. 634–642]. Поиск ответа на вопрос о том, каким образом рецензия на работу, опубликованную в 1951 г., была напечатана в журнале, датированном 1950 г., мы оставляем будущим историкам.

³ Критический анализ «политических» объяснений отказа Марцелла от консульства, высказывавшихся в историографии [см.: 18, р. 2168–2169].

можно обнаружить «антиплебейскую» мотивацию (хотя строго говоря, недовольство сенаторов вызвал не сам факт избрания Марцелла консулом, а то, что оба избранных магистрата были плебеями)¹. Однако, как отмечает А. М. Сморгчов, подробно исследовавший данный эпизод, и на комициях, и при магистратской ауспикации неблагоприятное знамение не влекло серьезных последствий, поскольку как само действие, так и гадание по его поводу просто переносились на другой, более подходящий день. Объяснение произошедшему отечественный исследователь видит либо в особом характере знамения, либо в специфическом характере ситуации. Последнее представляется ему более правдоподобным, поскольку это был тяжелейший для Рима 215 г. до н. э., причем речь шла о довыборах на место погибшего Л. Постумия Альбина, избранного в консулы, но не успевшего даже принять должность. «В такой ситуации, — отмечает А. М. Сморгчов, — особое внимание к религиозным требованиям и различным знамениям вполне объяснимо, даже если за абдикацией Марцелла скрывались какие-то политические противоречия и соображения. И тот же гром, который в иных условиях привел бы всего лишь к переносу и повторению консульских ауспий, после крупнейших поражений римлян был воспринят обществом весьма серьезно, в силу чего Марцелл, к тому же сам являвшийся авгуром, решил на всякий случай не принимать должность. Консулата он удостоился уже на следующий год (214 г. до н. э.), ничего, таким образом, не потеряв с точки зрения своих политических амбиций» [16, с. 42–43]. Таким образом, разбираемая ситуация вовсе не требует экзотических теорий «рояля в кустах», поскольку момент формального объявления итогов голосования (*renuntiatio*) был действительно ключевым в процессе избрания новых магистратов — ведь без этого выборы считались недействительными независимо от их реального результата. В принципе магистрат, руководивший выборными комициями, имел право не признавать победу неугодных лиц, отказавшись объявлять об их избрании [16, с. 32–34]. Другое дело, что конкретные случаи таких отказов неизвестны, поскольку руководитель комиций имел достаточно возможностей помешать неугодному кандидату и на предварительном этапе, и во время самих комиций [16, с. 34].

Не менее интересна интерпретация событий 214 г. По версии П. Джонсон, Фабий, готовясь к выборам, покинул город, дабы сохранить *imperium*. Это потребовалось ему для того, чтобы иметь возможность наказать тех граждан, которые осмелятся выступить против консула, проводящего выборы, так как наказанный не сможет воспользоваться в такой ситуации *ius provocacionis* [12, р. 6, п. 29]. Как подозревает исследовательница, Фабий в своих действиях опирался на точный расчет и знание психологии толпы — избиратели были так шокированы видом фасций с топориками в руках ликторов, что это существенно повлияло на их волю к сопротивлению [12, р. 7, п. 31]. Таким образом, Фабий заранее готовился к возможным инцидентам на выборах. И действительно, он останавливает начавшееся голосование и проводит его повторно. Фабий всячески противится избранию консулом Т. Отацилия, утверждает Джонсон, чтобы сохранить власть и вести войну далее согласно своему плану. Каким образом Отацилий мог помешать этим планам и как Фабий смог добиться задуманного, ставит

¹ Liv. 23.31.12–13: Postquam Marcellus ab exercitu rediit, comitia consuli uni rogando in locum L. Postumi edicuntur. Creatur ingenti consensu Marcellus qui extemplo magistratum occiperet. Cui ineunti consulatum cum tonuisset, uocati augures uitio creatum uideri pronuntiauerunt; uolgoque patres ita fama ferebant, quod tum primum duo plebeii consules facti essent, id deis cordi non esse. In locum Marcelli, ubi is se magistratu abdicauit, suffectus Q. Fabius Maximus tertium. (По возвращении Марцелла от войска назначили выборы консула на место Луция Постумия. Единодушно был выбран Марцелл, немедленно вступивший в должность. Так как при этом прогремел гром, призвали авгуров, и те объявили, что он выбран огрешно; сенаторы всюду твердили, что впервые оба консула плебеи и богам это неугодно. Марцелл отказался от должности, на его место консулом в третий раз выбран был Квинт Фабий Максим).

Отацилия и Марка Эмилия Регилла»¹. Против этого резко выступил Фабий, прервав выборы. После шумной перепалки был, видимо, достигнут вынужденный компромисс: консулами стали Фабий и Марцелл, а Отацилий вместе с сыном Фабия получил повторно претуру². Этот эпизод заставляет задуматься над тем, является ли он простым отражением столкновения амбиций двух римских магистратов или скрывает нечто большее. Списки магистратов, относящиеся ко времени Пунических войн, показывают, что некоторые римские семьи присутствуют там постоянно. Ярким примером являются Корнелии, представители различных семейств которых 8 раз становились консулами во время Первой и Второй пунических войн, и 4 раза в промежутке между войнами. Это позволяет предположить (с известной долей риска), что наличие нескольких поколений магистратов, принимавших участие в боевых действиях и принадлежащих к одной генеалогической линии, давало представителям этих семейств какие-то основания для претензий на соискание высших магистратур в условиях новой войны. Среди консулов периода Первой Пунической войны присутствует два Отацилия: Маний Отацилий Красс, консул 263 и 246 гг., и Тит Отацилий Красс, консул 261 г. В этот период Отацилии по количеству консулов уступают только Атилиям (см. табл. 1).

Видимо, в случае с Титом Отацилием Крассом это создавало почву для определенных ожиданий. Однако ко времени Ганнибаловой войны в существующей (и часто неуловимой для нас) иерархии «консульских» семей Отацилии явно занимают не очень высокое место. За период между двумя войнами они не получили не одного консулата (см. табл. 2).

Таблица 1

Консулы периода Первой Пунической войны (264–241 гг. до н. э.)

Патриции		Плебеи	
Cornelii	4	Atilii	5
Fabii	3	Otacilii	3
Manlii	3	Fulvii	2
Servilii	3	Sempronii	2
Valerii	2	Avreltii	2
Sulpicii	2	Cecilii	2
Postumii	2	Mamilii	1
Claudii	2	Duilii	1

1 Liv. 24. 7. 12: Eo die cum sors praerogativae Aniensi iuniorum exisset eaque T. Otacilium M. Aemilium Regillum consules diceret.

2 Liv. 24. 9. 1–4: Cum T. Otacilius ferociter eum continuare consulatum uelle uociferaretur atque obstreperet, lictores ad eum accedere consul iussit et, quia urbem non inerat protinus in campum ex itinere profectus, admonuit cum securibus sibi fasces praeferrri. interim praerogativa suffragium init creatique in ea consules Q. Fabius Maximus quartum M. Marcellus tertium. eosdem consules ceterae centuriae sine uariatione ulla dixerunt; et praetor unus reffectus Q. Fuluius Flaccus, noui alii creati, T. Otacilius Crassus iterum, Q. Fabius consulis filius qui tum aedilis curulis erat, P. Cornelius Lentulus (Тит Отацилий яростно кричал и шумел, что Фабий желает продлить свое консульство; Фабий велел ликторам подойти к Отацилию и напомнил ему, что поскольку он, Фабий, минувя город, с ходу направился на Марсово поле, то перед ним несут топоры и розги. Тем временем центурия, голосовавшая первой, приступила к голосованию. Выбраны были в консулы Квинт Фабий Максим в четвертый и Марк Марцелл в третий раз. Остальные центурии согласно выбрали их консулами. В преторы повторно избрали только Квинта Фульвия Флакка, остальные же были новые: Тит Отацилий Красс (второй раз), Квинт Фабий, сын консула, бывший тогда курульным эдилом, Публий Корнелий Лентул).

Furii	1	Acvillii	1
Lutacii	1	Caedicii	1
Aemilii	1	Fundanii	1
		Lutacii	1
		Manlii	1
		Junii	1

К этому, по всей видимости, следует прибавить и отсутствие ярких личных и деловых качеств, которые позволили бы Отацилию «прорваться» к консулату. Он явно находится в тени Марцелла и Фабия. Именно об отсутствии необходимых у Отацилия качеств говорил в своей речи Фабий, пытаясь помешать его избранию¹. Так что не исключено, что в 214 г. Фабий и (или) Марцелл просто одернули Тита, что вполне вписывается в современные представления о взаимоотношениях «друзей» с неравным иерархическим статусом.

Таблица 2

**Консулы в период между Первой и Второй Пуническими войнами
(240–220 гг. до н. э.)**

Патриции		Плебеи	
Valerii	5	Atilii	3
Cornelii	4	Fulvii	3
Aemilii	3	Sempronii	2
Fabii	2	Carvillii	2
Manlii	2	Pomponii	2
Postumii	2	Mamilii	1
Claudii	1	Licinii	1
Papirii	1	Publicii	1
Furii	1	Apustii	1

¹ Liv. 24. 8. 11–17: <Т.> Otacilius sororis meae filiam uxorem atque ex ea liberos habet; ceterum non ea uestra in me maioresque meos merita sunt ut non potioem priuatis necessitudinibus rem publicam habeam. quilibet nautarum uectorumque tranquillo mari gubernare potest; ubi saeua orta tempestas est ac turbato mari rapitur uento nauis, tum uiro et gubernatore opus est. non tranquillo nauigamus sed iam aliquot procellis summersi paene sumus; itaque quis ad gubernacula sedeat summa cura prouidendum ac praecauendum uobis est. in minore te experti, T. Otacili, re sumus; haud sane cur ad maiora tibi fidamus documenti quicquam dedisti... si consul esses, dictatorem dicendum exemplo maiorum nostrorum censeremus, nec tu id indignari posses aliquem in ciuitate Romana meliorem bello haberi quam te. magis nullius interest quam tua, T. Otacili, non imponi ceruicibus tuis onus sub quo concidas (Тит Отацилий женат на дочери моей сестры, и у него от нее дети, однако не столь малы ваши заслуги передо мной и моими предками, чтобы мне предпочесть частные интересы государственным. Любой моряк, любой человек на корабле может править им, если море спокойно; в жестокую бурю, когда корабль несет ветром по взволнованному морю, нужен мужественный кормчий. Мы плывем не по спокойному морю; несколько раз в шторм чуть не потонули; посадить к рулю следует человека, хорошо проверенного. Мы, Отацилий, испытали тебя в малом; ты ничем не доказал, что тебе можно доверить большее... Если бы ты был консулом, мы решили бы, по примеру предков наших, назначить диктатора, и тебе нечего было бы досадовать, что кого-то в римском государстве считают более, чем тебя, способным руководить военными действиями. Никто больше тебя не стремится свалить тебе на шею ношу, под которой ты сваляешься).

		Flaminii	1
		Claudii	1
		Minucii	1
		Mucii	1
		Junii	1

В то же время Ливий передает рассказ о том, как в 211 г. Отацилий чуть было не стал консулом в паре с Т. Манлием Торкватом Младшим (Liv. 26. 22. 2–7). Последний, однако, запротестовал, ссылаясь на слабое здоровье, в результате чего возникло еще три кандидатуры: Кв. Фабий Максим, М. Клавдий Марцелл и М. Валерий Левин. Если мы сравним консульские пары 263, 261 и 246 гг., то увидим, что Отацилии избирались вместе с Валериями (Ман. Валерий Максим Мессала — Ман. Отацилий Красс, Луц. Валерий Флакк — Т. Отацилий Красс) и Фабиями (М. Фабий Лициний — Ман. Отацилий Красс). В 211 г. Т. Отацилий Красс как никогда был близок к консулату, но им не стал, и, как сообщает Ливий, по окончании выборов он умер (Liv. 26. 23. 2). В итоге консулами становятся М. Клавдий Марцелл и М. Валерий Левин. Фигура Т. Манлия Торквата больше не возникает, видимо по причине его самоотвода, и это заставляет задуматься, только ли болезнью глаз было вызвано столь странное на фоне гипертрофированного тщеславия римских магистратов снятие им своей кандидатуры. Сомнения усиливает и то, что, упомянув о своем зрении, Т. Манлий затем приводит совершенно иные мотивы своего решения (Liv. 26. 22. 9). Вообще возникает впечатление, что увлекательностью повествования Ливий пытается закрыть какую-то неразбериху в выборах того года. Странности происходящего подчеркивает сам Ливий, когда он пишет, что если бы не был нарушен ход выборов, то Т. Отацилий вновь получил бы (судя по упоминанию Пуб. Манлия Вольсона, претора 210 г.) претуру, а вовсе не консулат. Для нас, однако, важнее круг претендентов на консульство 210 г.: Кв. Фабий Максим, Т. Манлий Торкват, М. Валерий Левин, М. Клавдий Марцелл и Т. Отацилий Красс. Поскольку события развивались вокруг фигуры последнего, рассмотрим возможные варианты выборов. М. Клавдий Марцелл, как и Отацилий, был плебеем, поэтому он появляется уже после его отстранения от выборов. Позиция Кв. Фабия Максима на выборах консулов 214 г. заставляет усомниться и в его кандидатуре в качестве коллеги Отацилия. В то же время очень удачной выглядит пара Т. Отацилий Красс — М. Валерий Левин, учитывая и давние дружеские связи между Валериями и Клавдиями по линии брата, и совместные консульства Отацилиев и Валериев в годы Первой Пунической войны [22, S. 37, 142–143] (Апт., 34). В этом случае становится объяснимым и самоотвод Тита Манлия Торквата, не пожелавшего нарушать некую традицию. В любом случае мы вновь видим за спиной Отацилия Фабия и Марцелла. После его смерти или незадолго до нее консулами становятся М. Валерий Левин и М. Клавдий Марцелл, что позволяет предположить, что с самого начала он появляется как возможная замена брату.

Подводя краткий итог вышесказанному, отметим, что вопрос о характере взаимоотношений между Фабием и Марцеллом безусловно нуждается в дальнейшей разработке. На сегодняшний день очевидна необходимость пересмотра ряда положений, выдвинутых в свое время Ф. Мюнцером, Х. Скаллардом и другими исследователями. В то же время нельзя признать убедительными аргументы исследователей, отрицающих существование политического альянса между Фабием и Марцеллом. Особенно показательна в этом отношении работа П. Джонсон: при внимательном ее прочтении видно, что отрицание союза между Фабием и Марцеллом за счет исключения из него Отацилия приводит к постулированию наличия союза между Отацилием и Марцеллом, которых не могла не сблизить приписываемая им автором демократическая ориентация. Однако в данном случае трудно удержаться от констатации очевидного: история не арифметика, по правилам которой, как известно, от перемены слагаемых сумма не меняется.

ЛТЕРАТУРА

1. *Münzer F.* Römische Adelpartein und Adelsfamilien. — Stuttgart, 1920.
2. *Scullard H.* Roman Politics, 220–150 B. C. — Oxford, 1951.
3. *Caven B.* The Punic Wars. — L., 1980.
4. *Briscoe J.* The Second Punic War//САИ. — 2nd ed. — Cambridge, 1989. — Vol. 8.
5. *Flower H.* «Memories» of Marcellus//Formen römischen Geschichtschreibung von den Anfängen bis Livius. — Darmstadt, 2003.
6. *Broughton T. R. S., Patterson M. L.* The Magistrates of the Roman Republic. — N.-Y., 1950. — Vol. I.
7. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания/Изд. подг. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. — М., 1994. — Т. 1.
8. *Трухина Н. Н.* Сципион Африканский и Катон Цензор, их политические программы//Древний Восток и античный мир. — М., 1980.
9. *Ливий Т.* История Рима от основания Города/Пер. Ф. Ф. Зелинского, М. Е. Сергеевко. — М., 1991. — Т. 2.
10. *Pinsent J.* Cincius, Fabius and the Otacilii//Phoenix. — 1964. — № 18. 1.
11. *McDonnell M.* Roman Manliness. — Cambridge, 2006.
12. *Johnson P.* Fabius, Marcellus and Otacilius — the Alliance that Never Was//ASCS Proceedings. — 2010. — № 31. — Electronic resource. Access mode: classics.uwa.edu.au/ascs31.
13. *Бэдиан Э.* Цепион и Норбан (заметки о десятилетиях 100–90 гг. до н. э.)/Пер. А. Б. Егорова//Studia Historica. — 2010. — Вып. 10.
14. *Дыдынский Ф.* Латинско-русский словарь к источникам римского права (По изданию 1896 г.). — М., 1997.
15. *Dorey T. A.* The Election of 216 B. C.//RhM. — 1959. — № 102.
16. *Сморчков А. М.* Источники и характер магистратского права на ауспиции: анализ акта renuntiatio//ВДИ. — 2010. — № 1.
17. *Gelzer M.* Rec.: *Scullard H.* Roman Politics, 220–150 B. C. Oxford, 1951//Historia. — 1950. — Bd. 1. H. 4.
18. *Linderski J.* The Augural Law//ANRW. — В.; N.-Y., 1986. — Т. II. Bd. 16. 3.
19. *Cornell T. J.* The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (с. 1000—264 B. C.). — L., 1995.
20. *Штаерман Е.М.* История крестьянства в древнем Риме. — М., 1996.
21. *Marchetti P.* A propos du tributum romain: impôt de quotité ou de repartition? //Armeés et fiscalité dans le monde antique. — P., 1977.
22. *Kienast D.* Cato der Zensor: Seine Personlichkeit und seine Zeit. — Darmstadt, 1979.

